

Причина, по которой наставник Сюэтин входил в тройку сильнейших мастеров мира, заключалась не в том, что он был способен уговорить бывших врагов объединиться для устранения общей проблемы, а в том, что он на самом деле был довольно силен.

Шэнь Цяо в этом не сомневался. С тех пор как он встретил наставника Сюэтина, он всегда знал, что битва между ними непременно состоится.

Сюэтин был ненамного моложе Ци Фэнгэ. Однако как только вы достигаете определенного уровня боевых искусств, вы перестаете стареть. Конечно, вы не становитесь бессмертным и некоторые признаки старости со временем начнут проявляться, но это было не так, как у обычных людей. Например, незадолго до смерти Ци Фэнгэ выглядел лет на тридцать-сорок. Никто бы не подумал, что его истинный возраст приближался к ста годам.

Поэтому, когда обычные люди видят настоятеля Сюэтина, они находят его довольно красивым. Если бы не тот факт, что у него не было ни единого волоска на голове, он, несомненно, выглядел бы очаровательным и возвышенным, как какой-нибудь молодой мастер. Он выглядел таким спокойным и собранным, таким царственным и величественным. Никто не смог бы обнаружить на нем ни малейшего следа мира смертных.

Это правда, что Шэнь Цяо был отдаленно элегантен, как бессмертный; однако его сердце было мягким. Вид тех, кто слабее его, заставил бы его протянуть руку, чтобы помочь им. Иногда он казался даже более чутким, чем большинство обычных людей. Он и Сюэтин. Тот, кто следует Дао, и тот, кто следует буддизму. Последний был подобен буддийской статуе в храме — решительный сердцем и словом, без всякой жалости. В то время как первый был похож на бассейн с лазурными водами — спокойный на первый взгляд. И все же, когда лебедь скользит по его поверхности, образуется рябь, наполненная нежным чувством.

Первое повторение печати Ачалы: все формы — это пустота, так как все формы бесчисленны: существуют тысячи цветов и оттенков, как и много форм лжи. Мир не может распознать их. В них легко утонуть и нет возможности выбраться. Только те, у кого сердце прозрачное и чистое, как стекло, смогут отличить правду от лжи, игнорировать демонов искушения и следовать своим истинным намерениям.

Печати шли во всех направлениях, оставляя слои следов ладоней по всей окружающей местности. Сила его правой руки, белой и безупречной, как снег, была очень сильна. Величественная и торжественная печать ваджры побеждает любое зло — никто от нее не скроется.

Шэнь Цяо не сдвинулся с места. Его левая рука осталась за спиной, в то время как запястье правой руки слегка выдвинулось наружу. Меч Шаньхэ Тунбэй был вынут из ножен с дрожью. Подобно песне плача — оде, крику — протяжному и далекому, он расколол бесчисленные печати, сумев одним взглядом найти истину среди лжи, и нацелился прямо в правую руку Сюэтина!

Сюэтин изменил свой маневр ладонью. Кончики его пальцев напоминали листья ивы,

колышущиеся ветром, — такие изящные и гибкие, что от них невозможно было отвести глаз. По сравнению с предыдущими печатями, эта заняла более наступательную позицию, как будто он готовился выпустить подавляющую силу, способную расколоть даже бамбук. Сначала она напоминала холодный дождь, замерзающий над огромным снежным полем, а в следующее мгновение внезапно переходящий в открытое небо и высокие облака над рекой — гуси и иволги, цветы персика, висящие над водой. Ее красоту трудно описать словами.

Но Шэнь Цяо не воспользовался ситуацией, чтобы напасть на него, а вместо этого сразу же начал отступать. Сюэтин выставил ладонь и провел ею по площади. Пол из голубого камня начал трескаться дюйм за дюймом, в то время как истинная ци заполняла пространство. Даже А-Цин, стоявший в нескольких чи от него, почувствовал, как будто острое лезвие приблизилось к его лицу, и испытал резкий укол боли.

Шэнь Цяо использовал Радужную тень и бросился вперед на несколько чи, его тело было таким легким, что напоминало пыль, летящую на ветру. Внезапно он подпрыгнул, зависнув в воздухе вверх ногами. Когда он сделал это, лезвие его клинка было подобно белому шелку; ци меча струилась сверху, как вода, подающая с небес, как миллионы снежных львов, скачущих галопом, словно раскаты грома — лезвие его клинка не знало преград и было безжалостным!

Эта серия ударов произошла в мгновение ока. Спокойствие Сюэтина было похоже на бескрайние воды — его не удивляли большие волны. Но в этот момент наконец промелькнуло легкое удивление. Ци меча окутала его сверху, как торнадо, заманив в ловушку.

И в тот момент у Сюэтина, казалось, было несколько вариантов, но они не включали в себя прорыв через ци меча. Когда ци подступила к нему еще ближе, он поднял левую руку, так что его золотой посох встретился с аурой меча, и оба они издали громкий, гулкий звук. Его сущность, казалось, остановилась в воздухе. Ни один из них не двинулся навстречу другому; вместо этого они начали отступать на несколько шагов.

— Прошло всего несколько месяцев, но боевые искусства даочжана Шэнь снова продвинулись на новый уровень. Это достойно восхищения! — выражение лица наставника Сюэтина было величественным и внушительным. Он больше не обращал внимания на Лянь Шэна и Лянь Ми, а полностью сосредоточился на Шэнь Цяо.

Но для Шэнь Цяо это не являлось хорошей новостью. Хотя он, безусловно, продвинулся вперед, это вовсе не означало, что другие оставались на месте.

Естественно, такому мастеру, как наставник Сюэтин, трудно сделать шаг вперед, но он все еще мог практиковать определенные техники и медитировать для сохранения спокойствия ума. Чем более опытным и совершенным будет состояние ума, тем более мощными будут боевые искусства. Тем больше будет его сила.

Шэнь Цяо однажды задумался над этим вопросом. Еще до того, как он получил свои травмы, он мог бы сыграть вничью в матче с такими мастерами, как Гуан Линсань и Дуань Вэнъян. Однако против наставника Сюэтина ему, безусловно, пришлось бы нелегко, так как он осознавал, что

был несколько ниже уровнем, не говоря уже о его нынешнем состоянии. Безусловно, Стратегия Багрового Яна оказала ему большую помощь в восстановлении сил: благодаря трем учениям — конфуцианскому, буддистскому, даосскому — его фундамент был снова восстановлен. Этот фундамент можно легко сравнить с фундаментом дома, который более надежен чем у других. Однако это не означало, что строительство самого дома будет происходить быстрее. Шэнь Цяо уже достиг стадии Сердца меча и находился всего в шаге от Духа Меча. Но его внутренняя сила едва ли составлял семь десятых того, что было раньше. Поэтому он не мог продемонстрировать силу Сердца Меча во всей ее полноте.

Вдобавок ко всему, столкнуться лицом к лицу с таким мастером, как Сюэтин, было поистине невезением.

Но Шэнь Цяо не мог позволить ему заметить свои слабые стороны. В противном случае это показало бы, что в настоящее время нет никого, способного справиться с ним.

Шэнь Цяо опустил острие своего клинка. Он встал на то же место и неторопливо сказал:

— В конце концов, буддийские секты и секта Хуаньюэ не питают никаких личных обид друг к другу. Наставник, однажды вы уже попытались убить главу секты Янь. Почему вы снова преследуете его, еще и так настойчиво? Даже если бы Янь Уши не было здесь, и даже если бы секты Хуаньюэ больше не существовало, до тех пор, пока Юйвэнь Юн будет императором, будет кто-то, кто непременно поддержит его. С дальновидной мудростью наставника, я уверен, что вы не упустите это понимание, не так ли?

В тот момент, несмотря на то, что он оказался один против двух, Янь Уши каким-то образом нашел время добавить:

— А-Цяо, твоя манера говорить изменилась под моим влиянием, не так ли? Этот лысый осел был так ошеломлен твоими словами, что потерял дар речи! Я уверен, ему так стыдно, что он сейчас придет в ярость и будет мучить тебя еще сильнее!

Если бы это было раньше, даже десять противников, таких, как Лянь Шэн и Лянь Ми, не устояли бы перед Янь Уши, не говоря уже об одном из них. Однако то, как обстояли дела сейчас, явно было ему не на пользу. Сюэтин, безусловно, предвидел это, и именно поэтому он взял с собой этих двух учеников.

Даже если Лянь Шэн и Лянь Ми не смогут схватить Янь Уши быстро, они, по крайней мере, смогут задержать его.

Сюэтин понял намерения Шэнь Цяо. Он покачал головой и сказал:

— Мастер Шэнь, вы должны понимать, что это касается выживания буддизма. Бесполезно говорить еще что-то. Сегодня этот бедный монах здесь только из-за главы Янь. Если мастер Шэнь готов уйти, бедный монах был бы очень благодарен.

Этот человек был удивительным. Хотя он почти полностью одержал верх, он все еще обращался с Шэнь Цяо с такой вежливостью. Он не возмущался и не сердился, а был спокоен, как ветер, и обладал хорошими манерами.

Если бы не тот факт, что у них двоих были противоположные цели, Шэнь Цяо был бы не против сесть и выпить чаю с ним, а не вот так как сейчас — размахивать оружием.

Янь Уши, с другой стороны, казалось, находил отношение Шэнь Цяо к Сюэтину совершенно невыносимым. Тем не менее, он нашел возможность вставить свое слово:

— А-Цяо, ты очень глупый, если решил спросить его об этом. Старый лысый осел очень хорошо знает, что ему просто нужно убить Юйвэнь Юна, и тогда все его неприятности закончатся. Но все же он предпочитает безжалостно преследовать меня. Естественно, это потому, что буддийские секты хотят сохранить свой справедливый и почетный вид. Они не хотят пачкать свои руки грехом убийства императора! Даже если бы они попытались убить Юйвэнь Юна, то предпочли бы, чтобы кто-то другой вышел и сделал это, так они смогут остаться хорошими и чистыми, без пятнышка грязи на себе. Старая лысая задница, просто скажи — я прав или нет?

Сюэтину не хотелось тратить слова на Янь Уши. Он просто склонил голову и произнес краткую Амитабху, прежде чем продолжить:

— Мастер Шэнь, поскольку вы не только не хотите удалиться и стать сторонним наблюдателем, но и полностью настаиваете на защите Янь Уши до самого конца, тогда у этого бедного монаха нет другого выбора, кроме как оскорбить вас.

Как только он сказал это, он едва сделал шаг, и внезапно появился прямо рядом с Шэнь Цяо, сопровождаемый сладким, бесконечным звоном маленького нефритового колокольчика. Золотой посох слегка постучал по груди Шэнь Цяо.

Движения Сюэтина были очень медленными; достаточно медленными, чтобы можно было разглядеть каждую деталь. Но в то же время это было так быстро — слишком быстро, что никто не смог бы вовремя среагировать.

Шэнь Цяо пришел к жестокому осознанию того, что его собственная сила действительно была намного ниже. Несмотря на то, что он смог разглядеть направление, в котором Сюэтин собирался протянуть руку, он все еще не мог вовремя среагировать. В тот момент, когда он смог поднять свой меч, что-то в его груди онемело, и внезапная сильная боль распространилась по телу. Шэнь Цяо отлетел назад, он не мог оказать никакого сопротивления. Сладковатый, железный вкус поднялся в его горле. На мгновение он растерялся, прежде чем внезапно выплюнул полный рот крови и был отброшен к колонне на веранде!

Но Шэнь Цяо не остановился ни на мгновение. Он использовал всю силу, чтобы направить ци меча, которая внезапно засветилось, как лунный свет, коснувшийся воды, вздымающийся вверх с покачивающимися волнами реки. За долю секунды он приобрел нефритовое сияние — в

десятки тысяч раз более прекрасное, чем парча, его свет падал слой за слоем и устремлялся прямо к наставнику Сюэтину. Даже с тем уровнем силы, которая была у Сюэтина, он на какое-то мгновение не мог определить, где был меч, а где человек.

В этот момент Лянь Шэн и Лянь Ми сотрудничали друг с другом, как будто у них было молчаливое понимание ситуации и один разум на двоих. Их намерения были взаимосвязаны. Боевые искусства Янь Уши были совершенно не похожи на те, что были раньше, и изъян в его демоническом ядре также еще не был полностью исправлен. Его атаки неизбежно сделали его несколько уязвимым. Два монаха воспользовались этой возможностью. С Лянь Шэнем в обороне и Лянь Ми в нападении, они окружили Янь Уши. Но они не собирались убивать его; вместо этого они не давали ему возможности убежать, окружая его силой, подобной силе Тайцзи, неба и земли.

Казалось, что они следовали каким-то инструкциям, которые Сюэтин дал им заранее. Они знали, что с их способностями будет сложно убить Янь Уши, даже несмотря на то, что его сила значительно уменьшилась. Они могли только попытаться задержать его и дожидаться, когда Сюэтин победит Шэнь Цяо, прежде чем поможет им.

Досадно, но им пришлось слишком долго ждать. Обменявшись с Янь Уши несколькими ударами, оба монаха начали покрываться испариной, но Сюэтин все еще сражался Шэнь Цяо, и, судя по всему, не собирался расставаться с ним прямо сейчас.

Лянь Шэн начал беспокоиться. Он воспользовался моментом, когда Лянь Ми атаковал Янь Уши, и посмотрел в сторону своего учителя.

Это был всего лишь взгляд, и все же обстоятельства резко изменились!

Янь Уши, который все это время находился в обороне, внезапно напал на них. Он использовал кончики пальцев, как будто они были острием клинка, и ударил в центр ладони Лянь Ми. Ранее Лянь Ми видел равнодушное выражение лица Янь Уши и недооценивал его силу. Он даже подумал, что великому мастеру из секты Хуаньюэ вряд ли удастся победить. Как только эта мысль промелькнула в его голове, он почувствовал острую боль в ладони, как будто раскаленный железный прут пронзил его насквозь.

Он не мог удержаться от крика, а его тело рефлекторно отступило назад. В центре его ладони была кровавая дыра, из которой сочилась и вытекала свежая кровь. В этой ране он едва мог разглядеть мышцы и белую кость.

Услышав это, Лянь Шэн быстро побежал обратно. Увидев положение вещей, он был совершенно ошеломлен. Но прежде чем он успел что-то предпринять, свет клинка внезапно скользнул по его лицу.

— Вперед! – резко крикнул Шэнь Цяо.

С этими словами он схватил Янь Уши за руку и помчался в юго-восточном направлении.

Шэнь Цяо не осмеливался недооценивать Сюэтина, поэтому он использовал Радужную тень с максимальной силой.

Для постороннего человека Шэнь Цяо с Янь Уши выглядели не более чем две тени, колышущиеся на ветру. Однако он чувствовал себя не в своей тарелке. Обеспокоенный тем, что Сюэтин погонится за ними, он полетел вперед, не останавливаясь. Ряды деревьев по обе стороны от них превратились в призраки, скользящие мимо них на полной скорости. И все же он ни на йоту не замедлил шаг.

Хотя он не оборачивался, Шэнь Цяо чувствовал угрожающее присутствие позади себя — оно ощущалось одновременно очень близко и далеко, висело на некотором расстоянии от него, посылая холодок по спине. Это явно был Сюэтин, преследующий их сзади, не желающий оставлять все как есть. Несмотря на то, что Шэнь Цяо был на шаг быстрее, возможность избавиться от преследования Сюэтина казалась нереальной.

Шэнь Цяо с Янь Уши покинули город и направились напрямик в горы Цзяньшань рядом с Вэйчжоу.

У подножия гор был густой лес, где они могли легко спрятаться. Но Янь Уши сказал:

— Поднимайся на гору.

Шэнь Цяо, не задумываясь, направился напрямик в гору.

Было только начало весны. Ледяные реки начали таять, и расцвели сотни цветов; птицы пели у горных источников. Все вокруг было наполнено жизнью. Но несмотря на это, лесные деревья были переплетены друг с другом, горные скалы были неровными, а тропа в гору опасно крутой. Там вообще не было подходящего места, чтобы поставить ноги. С середины горы, смотревшей вниз, прямо выступал утес, окутанный туманными облаками. При виде этого он казался еще круче, чем был на самом деле.

Добравшись до середины горы, Шэнь Цяо заметил пещеру, скрытую зарослями. Внутри было темно и извилисто, слышался шум несущегося мимо ручья. Пещера была довольно глубокой. Войдя в нее вместе с Янь Уши, он прошел на несколько чжанов внутрь, прежде чем они оказались на широкой, светлой площадке. Она была освещена глянцевым блеском аккуратно расположенных каменных стен, а сама площадь была размером с зал, принадлежащий богатой семье.

И если бы вы посмотрели вверх, то увидели бы, что там не было каменного потолка, чтобы прикрыть их. Солнечный свет пробивался сквозь просветы густой листвы наверху и освещал мертвые листья у них под ногами.

— Остановимся здесь, – сказал Янь Уши. – Сюэтин знает, что мы попытаемся спрятаться где-нибудь за деревьями у подножия горы. Он не догадается, что мы поднялись в гору.

Шэнь Цяо, который раньше был сосредоточен, наконец-то смог расслабиться. Однако то, что последовало за этим, было не радостью облегчения: он наклонился, чтобы вырвать полный рот крови.

Все из-за внутренней раны, которую он получил после битвы с Сюэтином. Впоследствии, когда он сбежал с Янь Уши, его грудь была наполнена невыносимой болью от начала пути до самого конца. Он боялся, что, если откроет рот, из него хлынет кровь, поэтому до этого момента он вообще ничего не говорил.

Не многие люди могли выдержать удар одного из трех лучших мастеров в мире. Учитывая это и то, что внутренняя сила Шэнь Цяо еще не полностью восстановилась, то, что он смог провести с ним такой долгий поединок и даже сбежать с Янь Уши, было полностью результатом того, что он полагался на свой еще недостаточно высокий уровень Сердца меча. Но это было ничто по сравнению с бесконечной природой внутренней силы и истинной ци. В результате, еще до того, как они начали свой поединок, Шэнь Цяо уже решил не сражаться с наставником Сюэтином, а вместо этого решил дождаться подходящего момента для отступления.

Нелегко было ускользнуть из поля зрения Сюэтина, особенно когда на его плечи легла еще одна «ноша». И все же Шэнь Цяо смог это сделать.

Было ясно, что, хотя они заранее не обсуждали вопрос об отступлении, Янь Уши думал о том же самом. В результате им не нужно было разговаривать друг с другом, они достигли молчаливого соглашения и общего понимания.

Как только его вырвало кровью, зрение Шэнь Цяо затуманилось, и он внезапно почувствовал головокружение. У него не осталось сил стоять. Это было результатом того, что он израсходовал все свои силы и получил внутренние повреждения. В его глазах потемнело, а в ушах зазвенело. Он начал падать вперед.

Янь Уши автоматически протянул руку, чтобы обнять его. Посмеиваясь, он сказал:

— А-Цяо, я знаю, что нравлюсь тебе, но ты не должен бросаться в мои объятия!

Его голос звучал так, как будто ему не хватало жизненной энергии. Было ясно, что он также получил некоторые травмы, но такие травмы никак не влияли на бессмысленное безрассудство в словах главы секты Янь.

Как только эти слова сорвались, Шэнь Цяо вырвал еще один глоток крови, опершись почти половиной своего тела на руку Янь Уши, бледный и умирающий.

— Тебя вырвало кровью не из-за моих слов, верно? - спросил он с легким упреком.

Естественно, Шэнь Цяо кашлял кровью не потому, что был зол. Но у него не было сил опровергнуть это. Он мог только слабо сказать:

— Что будет со стариком У и А-Цином?

— Сюэтин — не Сан Цзинсин. В конце концов, он должен держать свое буддийское лицо. Он также знает, что угрозы этим двоим не принесут никакой пользы. Он не будет делать ничего бессмысленного.

Шэнь Цяо кивнул. Кровь запятнала его губы. На фоне совершенно бледно-белого лица, она приобрела еще более глубокий оттенок красного.

Большим пальцем Янь Уши вытер остатки крови с губ Шэнь Цяо.

Грудь Шэнь Цяо наполнилась сильной, невыносимой болью. Ему было трудно даже дышать. У него не было возможности сосредоточить свою энергию на чем-либо вокруг себя. Его чувства притупились. Когда Янь Уши затолкал ему в рот какую-то еду и зашел так далеко, что не дал Шэнь Цяо выплюнуть ее, Шэнь Цяо был застигнут врасплох и не смог сопротивляться. Его глаза расширились, но его тело отреагировало раньше — он машинально всё проглотил.

Его горло пересохло, и он начал задыхаться. Из-за сильного кашля его внутренние повреждения растревожились, а глаза увлажнились.

— Нефри... цистанхе?..

<http://bllate.org/book/14532/1287371>